

КОНСТРУКТИВИСТСКАЯ ПАРАДИГМА В ЮРИСПРУДЕНЦИИ

И. Л. ЧЕСТНОВ*

Честнов Илья Львович,
доктор юридических наук,
профессор, профессор
кафедры теории и истории
государства и права Санкт-
Петербургского юридического
института (филиала) Академии
Генеральной прокуратуры РФ

В статье раскрывается конструктивистская методология права. Конструктивизм в эпистемологии восходит к гносеологии Канта. Эпистемологический конструктивизм сегодня развивает принцип дополнительности, который утверждает относительность знания об объекте, неисчерпаемость объекта исследования, включение субъекта в познавательный процесс. Для конструктивизма как парадигмы социальных наук характерны антиуниверсализм, контекстуализм социального мира, релятивизм всех социальных явлений, опровержение наивного реализма, замена объективизма интерсубъективностью.

Конструктивизм в юриспруденции — это критика объективирующих правовую реальность концепций классической юриспруденции. Конструктивистская парадигма призвана преодолеть догматичность и оторванность от практических нужд юридической науки. Конструктивизм — это новое представление о правовой реальности. Оно предполагает сконструированность правовой системы и ее воспроизводство

человеком. Система права с конструктивистской точки зрения — это деятельность субъекта по созданию и воспроизведению правовых норм. Система права — это некая абстрактная, догматичная данность, а процесс, включающий сочетание традиций и инноваций. Центральным элементом системы права выступает не норма права, а человек — субъект права, формирующий и воспроизводящий нормы права. **КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:** методология права, конструирование правовой реальности, система права, субъект права.

CHESTNOV I. L. CONSTRUCTIVIST PARADIGM IN LAW

The article reveals the constructivist methodology of law. In epistemology constructivism dates back to the epistemology of Kant. Epistemological constructivism is developing today the principle of subsidiary. The principle of subsidiary states relativity of knowledge about the object; inexhaustible subject of the research; inclusion of the subject in the cognitive process. Constructivism as a paradigm of social sciences is characterized by anti-universality, contextual character of the social world, relativism of all social phenomena, refutation of naive realism, replacement of objectivism by intersubjectivity.

* Chestnov Ilja Lvovich — professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Saint-Petersburg Law Institute (branch) of the Academy of Prosecutor General of the Russian Federation, doctor of legal sciences, professor.

E-mail: ichestnov@gmail.com

© Честнов И. Л., 2016

Constructivism in law constitutes criticism of concepts of classical jurisprudence which make the legal reality objective. The constructivist paradigm designed to overcome dogmatism and isolation from the practical needs of the legal science. Constructivism is a new view on the legal reality. It involves the design of the legal system and its reproduction by a person. The system of law, in the constructivist point of view, is the activity of an agent aimed at creating and reproducing the legal norms. The system of law is a process which includes a combination of tradition and innovation, rather than an abstract, dogmatic prescription. A person, subject of law, forming and reproducing legal rules, rather than a legal norm, is the central element of the system of law.

KEYWORDS: methodology of law, constructing legal reality, system of law, subject of law.

Одним из проявлений постклассической картины мира является конструктивизм как представление о социальном мире, способ его восприятия. Конструктивизм — это одновременно и онтология социального бытия, и методология, обуславливающие друг друга: социальность определяется способом ее описания и представления. Тем самым конструктивистская методология в социогуманитарном знании выступает проявлением постклассической эпистемологии.

Истоки конструктивистской эпистемологии, определяющей представление о бытии, восходят к кантовскому перевороту в гносеологии¹. Однако современный эпистемологический конструктивизм проистекает из принципа дополнительности. Квантовая механика противопоставляется классической физике, которая, по мнению Х. Патнэма, предполагает наличие «Божественной-точки-зрения» (или «точки-зрения-абсолютного наблюдателя») на картину универсума, которая является настолько полной, что включает теоретика-наблюдателя в эту картину. В отличие от классической, в квантовой физике существует граница между системой и наблюдателем. Согласно стандартной интерпретации квантовой механики свойства квантово-механической системы имеют смысл и существование только в отношении к измерительному прибору и экспериментальной ситуации, фиксирующим эти свойства. Мир, как он существует сам по себе, не может быть представлен квантовой механикой².

¹ Его иногда именуют «коперниканской революцией». «Хотя сам Кант никогда не использовал этого термина для характеристики своих позиций, — утверждает Т. Рокмор, — его современники полагали, что он стремился совершить коперниканский переворот в философии... Коперниканская революция Канта — конструктивистская. Ее основная идея состоит в утверждении тождества между субъектом и объектом, между познающим и познаваемым. Если мы можем знать с уверенностью только тот предмет, который сами строим, то, значит, между субъектом и его объектом имеет место нестандартное отношение тождества в различии. Субъект может обоснованно утверждать, что знает объект, который он конструирует, поскольку — парадоксальным образом — имеет место тождество в различии, и потому, познавая объект, он познает себя» (Рокмор Т. Гегель о конструктивизме // Конструктивистский подход в эпистемологии и науках о человеке / отв. ред. В. А. Лекторский. М., 2009. С. 132–133).

² Putnam H. Realism with a Human Face // Realism with a Human Face / J. Conant (ed.). Cambridge (Mass.), 1990. P. 17.

Важнейшими следствиями «квантового переворота» стали следующие: относительность знания об объекте, неисчерпаемость объекта исследования, включение субъекта в познавательный процесс и человеческого сознания в реальность. Последний момент стал решающим в утверждении конструктивистской эпистемологии.

В рамках конструктивистской эпистемологии «реальность, с которой имеет дело наука, трактуется как мир значений, обладающий лишь видимостью объективной фактичности, лишь кажущийся существующим сам по себе, независимо от исследователя. На деле же объективная реальность распадается на множество уникальных ситуаций, значения которых всегда незавершенны, релятивны, соотносимы с биографическими особенностями участников коммуникации, их фоновыми ожиданиями и консенсусом между ними. Она оказывается продуктом интерпретационной деятельности, упорядочивающей общение между людьми и использующей схемы обыденного сознания и опыта»³.

Конструктивистская методологическая программа социальных наук складывается во второй половине XX в. благодаря усилиям социальной феноменологии, в частности, идеям А. Шюца, П. Бергера и Т. Лукмана, этнометодологии Г. Гарфинкеля и А. Сикурела, символического интеракционизма, теории И. Гофмана и др. Важную лепту в развитие этого направления внесли лингвистический поворот, включающий гипотезу лингвистической относительности Б. Уорфа и Э. Сэпира, прагматику языка Л. Витгенштейна, теория онтологической относительности У. Куайна, концепция возможных миров Н. Гудмэна. В конце XX в. конструктивистская методология образует содержание постклассической эпистемологии вместе с критическим дискурс-анализом, постструктурализмом, «качественными» методами социального исследования⁴.

Сегодня можно выделить несколько направлений в рамках конструктивистской научно-исследовательской программы. «От радикального конструктивизма, оспаривающего саму возможность познания объективной реальности, редуцированную к бесчисленным субъективным реальностям человеческих сознаний, отличают его мягкую версию. Это так называемый *эрлангский конструктивизм*, апеллирующий к объективности языка и стремящийся преодолеть “наивное обнаружение мира” через конструирование специальных языковых и научных методик. Сторонники этого направления опираются на идеи Гуго Динглера и Пауля Лоренцена. В настоящее время оно представлено “школой Констанца” (Йорген Миттельштрасс, Фридрих Камбартель), “диалогическим” или “философско-антропологическим” конструктивизмом (Куно Лоренц, Вильгельм Камла), “методическим куль-

³ Огурцов А. П. От конструктивистской этнографии науки — к новой версии натурализма // Огурцов А. П. Философия науки: двадцатый век: Концепции и проблемы: в 3 ч. Часть первая: философия науки: исследовательские программы. СПб., 2011. С. 376.

⁴ Эти и близкие методологические направления в социогуманитарном знании относят к социальной эпистемологии, которая содержательно соответствует постклассической эпистемологии (см.: *Социальная эпистемология: идеи, методы, программы* / под ред. И. Т. Касавина. М., 2010).

турализмом” (Петер Йаних). Промежуточную позицию между радикальным и эрлангским конструктивизмом занимает интеракционистский конструктивизм, восходящий к социальному конструктивизму Питера Бергера и Томаса Лукмана (Керстен Райх и др.)⁵.

«Библией» радикального конструктивизма стала книга Дж. Спенсера-Брауна «Законы формы». Ученый предложил аксиоматическую систему пропозициональной логики, или «логику различений», состоящую из двух аксиом, причем в ней отсутствуют такие обычные логические операции, как конъюнкция и дизъюнкция, а в качестве переменных выступают сами логические функции. «Данные аксиомы (“закон наименования” и “закон пересечения границы”), по мнению конструктивистов, описывают некоторые самоочевидные когнитивные процедуры, в первую очередь — операции наблюдения и описания, различения и именования, самонаблюдения и самоописания, — и в этом смысле служат фундаментом научных дисциплин, в том числе и социально-гуманитарных. Созданная Дж. Спенсером-Брауном логика, где “онтологические” реалии, идентичности, объекты и имена понимаются лишь как следствия осуществления тех или иных различений, стала методологическим основанием радикального конструктивизма»⁶.

У. Матурана — один из родоначальников синергетики и концепции аутопойезиса — утверждает, что стабильность свойств объекта, его идентичность, сама его объектность суть конструкции или удобные фикции. Им делается вывод о невозможности установления стабильных корреляций между событиями во внешнем мире, объективной реальностью и состояниями нейронной активности⁷.

В общем, для конструктивизма как парадигмы социальных наук характерны антиуниверсализм, контекстуализм социального мира, релятивизм всех социальных явлений, опровержение наивного реализма, замена объективизма интерсубъективностью (между индивидуализмом и холизмом). Одновременно социальному конструктивизму свойственны методологический индивидуализм⁸ и антропологизм: социальные явления и процессы суть ментальные представления и взаимодействия людей. «Нет такой вещи, как общество», нация, социальная группа, а есть сконструированные социальные представления, реализуемые многократно повторяющимися действиями людей — «отдельными мужчинами, женщинами и их семьями»⁹.

⁵ Современная западная философия. Энциклопедический словарь / под ред. О. Хеффе, В. С. Малахова, В. П. Филатова при участии Т. А. Дмитриева. М., 2009. С. 20–21.

⁶ Там же. С. 21.

⁷ Там же.

⁸ Методологический индивидуализм свойствен, пожалуй, большинству сторонников социального конструктивизма. В то же время более перспективной видится позиция методологического концептуализма, предполагающего объективное существование сконструированной социальной структуры как социального представления и многократных действий, его воспроизводящих.

⁹ Данная фраза была произнесена в свое время М. Тэтчер (*Урри Дж. Социология за пределами обществ: виды мобильности для XXI столетия. М., 2012. С. 15*).

Существуют ли социальные институты и социальные группы как некая данность, «вещь»? «Немногие понятия общественных наук представляются столь же базовыми и даже необходимыми, как понятие группы, — заявляет Р. Брубейкер. /.../ «Группа» представляется беспроblemным, само собой разумеющимся понятием, которое будто бы не требует специального разбора или разъяснения. В результате мы начинаем считать само собою разумеющимся не только понятие группы, но и «группы» — мнимые вещи-в-мире, к которым относится это понятие»¹⁰. Отсюда вытекает «тенденция к пониманию этнических групп, наций и рас как субстанциальных сущностей, к которым могут быть приписаны интересы и деятельность»¹¹. По мнению американского социолога, необходимо проводить четкое различие между группой и категорией: «Если под группой мы понимаем внутренне взаимодействующий, взаимно и сообща признающий, имеющий общую направленность, эффективно коммуницирующий ограниченный коллектив, который обладает чувством солидарности, корпоративной идентичностью и способностью к согласованному действию, и даже если мы придерживаемся менее жесткого понимания «группы», должно быть ясно, что категория не есть группа. В лучшем случае она является базисом для образования группы или «групповости»».

Благодаря последовательно проводимому различию между категориями и группами мы можем осознать отношение между ними как проблему, а не как данность. Мы можем спросить о степени групповости, связанной с конкретной категорией в конкретной ситуации, и о политических, социальных, культурных и психологических процессах, посредством которых категории наделяются групповостью. Мы можем спросить, как люди — и организации — совершают действия с категориями. /.../ Мы можем анализировать организационные и дискурсивные пути категорий — процессы, посредством которых они институционализируются и внедряются в административные порядки и вписываются во влиятельные в культурном и символическом отношении мифы, воспоминания и нарративы»¹².

Все это самым непосредственным образом относится к онтологии права. От того или иного способа решения проблемы коллективных образований — социальных структур, способа их бытия — одной из самых острых в социальной философии, зависит ответ на вопросы бытия права, государства, нормы права, правового института и т. п. Обладают ли общеправовые категории (норма права, правоотношение, правонарушение и др.) собственным бытием, как, в какой (или каких) формах они существуют? Это один из важнейших и сложнейших вопросов философии права, который, как и другие философские вопросы, не имеет единственного (или единственно «верного») решения¹³. С позиций современной посткласси-

¹⁰ Брубейкер Р. Этничность без групп. М., 2012. С. 22–23.

¹¹ Там же.

¹² Там же. С. 32–33.

¹³ «Философские проблемы отличаются от других, среди прочего, тем, — пишет И. Т. Касавин, — что, не имея однозначного и окончательного решения, периодически

ческой эпистемологии, социальных структур¹⁴, коллективных образований не существует как неких данностей или «вещей», а существуют отдельные люди, их совместные действия и представления, образы поведения как правильные/неправильные, эффективные/неэффективные и т.д. В то же время люди объединяются в социальные группы на основе некоторых общих представлений о желательности такого объединения или другого объединяющего фактора (часто это происходит неосознанно, например, в силу рождения). Поэтому социальная группа, а также социальный институт — это представления (социальные репрезентации) о некотором единстве, общей идентичности¹⁵ определенной части людей¹⁶. Эти социальные представления, повторюсь, не есть объективная данность, обладающая собственным, внеиндивидуальным бытием, субстанциональностью, целью и деятельностью, а представляют собой социальный конструкт, «воображаемые (т. е. сконструированные) сообщества»¹⁷. Цель и деятельность,

приобретают и утрачивают актуальность, интерес для определенных групп людей под влиянием внешних или внутренних условий» (*Касавин И. Т.* Философский дискурс: проблема, контекст, смысл // Человек в мире знания: К 80-летию Владислава Александровича Лекторского / отв. ред.-сост. Н. С. Автономова, Б. И. Пружинин; науч. ред. Т. Г. Щедрина. М., 2012. С. 74).

¹⁴ «Структура, — полагает И. Ф. Девятко, — фундаментальное понятие социальной теории, описывающее неявные, скрытые от непосредственного наблюдения, однако выявляемые относительно автономных от субъективных интенций во всех без исключения областях социальной жизни надындивидуальные социальные и психологические устройства, детерминирующие как непосредственный индивидуальный опыт, так и совокупную социальную практику людей» (*Девятко И. Ф.* Социологические теории деятельности и практической рациональности. М., 2003. С. 65). Соглашаясь с приведенным определением, следует тем не менее заметить, что «социальные» устройства суть психические образы или «социальные представления», по терминологии С. Московичи, а не «вещи» или данности, обладающие «надындивидуальным» как «внечеловеческим» существованием.

¹⁵ Необходимо оговориться, что идентичность — не менее проблематичное понятие в современной социологии и социокультурной антропологии, нежели общество или социальная группа (см.: *Брубейкер Р.* Кризис «идентичности» в общественных науках // Этничность без групп. С. 63–69).

¹⁶ Такая точка зрения была высказана еще классиком социологии Э. Дюркгеймом, который институтом называл «все верования, все поведение, установленное группой» (*Дюркгейм Э.* Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М., 1995. С. 20).

¹⁷ Термин «воображаемые сообщества» принадлежит Б. Андерсону (*Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001). В принципе об этом же писал К. Касториadis: «Социальный мир в каждом отдельном случае сформирован и структурирован в зависимости от системы... значений и, однажды возникнув, они существуют в поле фактически воображаемого (или воображенного) /.../ Но что это и кто это — «мы», группа, коллектив, общество? Прежде всего, это символ, знак своего существования, которым наделяет себя каждое племя. Прежде всего, это условное и произвольное имя, но в какой степени оно является условным и произвольным? Это означающее обозначает коллектив, но не как простое название, оно обозначает его и как понимание, как качество и свойство. /.../ Имя в данном случае не ограничивается указанием, оно провоцирует определенные ассоциации, отсылающие нас к означаемому, которое не принадлежит и не может принадлежать ни плану реального, ни плану рационального. Означаемое в данном

как и объективность, привносится в социальную группу (объединение людей) общественным сознанием, механизмом означивания (наделения значением) и их интериоризации в личностные смыслы. В основе процесса атрибутирования (или аскрипции, т. е. приписывания) объективности бытия социальной структуре лежит механизм «амнезии происхождения» или «анкоринга» и «объективизации» социокультурной инновации, разрабатываемых школой П. Бурдые и теорией социальных представлений С. Московичи¹⁸.

Социальный (и правовой) институт отличается от социальной группы степенью институционализации. Он конструируется во многих случаях государственной властью (особенно если речь идет о публично-правовых институтах) и существует как многократно повторяемое поведение, урегулированное нормами права. При этом ни один социальный (и правовой) институт не функционирует так, как он был задуман. Это связано с тем, что правовой институт в процессе своего функционирования «обрастает» правовыми обычаями — массово опривыченными практиками.

Конструктивизм в юриспруденции — это критика объективирующих правовую реальность концепций классической юриспруденции, с позиций которых право выступает миром идеальных сущностей, «парящих» над эмпирической социальной реальностью, созданных гением римских юристов (или глоссаторов) или «мировым духом»¹⁹. Сегодня многими современными учеными, которые непредвзято пытаются исследовать состояние юридической науки, высказывается озабоченность ее догматичностью²⁰. Обвинения в адрес юридической науки и теории права, сохраняю-

случае рождается в поле воображения, каким бы специфическим ни были содержание и природа этого воображения» (*Касториадис К.* Воображаемое установление общества. М., 2003. С. 164–166).

¹⁸ *Бурдые П.* Практический смысл. СПб., 2001; *Social representations* / ed. by M. Farr, S. Moscovici. Cambridge; Paris, 1984.

¹⁹ Именно такое впечатление создается от прочтения работы А. М. Михайлова, который полагает, что «для догматической юриспруденции право не выступает социальным явлением, его природа — духовная, и его содержание заложено в авторитетных книгах» (*Михайлов А. М.* Генезис континентальной юридической догматики. М., 2012. С. 37). При этом источник права юриспруденцией понятий обнаруживается в «логических приемах и операциях юридической техники». Поэтому «подлинно научная “высшая” юриспруденция, используя прием юридического конструирования, будет способна создавать новый юридический материал, находить для каждого мыслимого случая соответствующие ответы в логически обработанной и полной системе права, “интеллектуальным держателем” которой будет выступать сообщество ученых-юристов» (Там же. С. 311, 292–293). В то же время в недавно вышедшей работе молодой исследователь справедливо указывает, что вся юриспруденция (как теоретическая, так и практическая) проникнута идеологичностью, которая выступает «основой онтологизации и легитимации права» и которая переводит «правовые ценности, идеи и установки в правовые нормоотношения», а тем самым стабилизирует правовую систему (*Михайлов А. М.* Правовая идеология: проблемы теории // Проблемы методологии и философии права: сб. статей международного круглого стола / под ред. С. Н. Касаткина. Самара, 2014. С. 111, 116).

²⁰ Н. В. Варламова, например, утверждает, что «вся учебная литература по теории права и государства» может быть отнесена к легистской догматике (*Дискуссия.* Пер-

щей нормативистско-догматические основания, в принципе, справедливы. Но социальная критика, как представляется, в гораздо большей степени должна быть отнесена к отраслевым юридическим наукам, нежели к теории права²¹. Это связано с тем, что если в общетеоретическом правоведении имеет место многообразие подходов, направлений и школ, то в отраслевых дисциплинах принципиальных столкновений точек зрения фактически нет, так как последним аргументом в них почти всегда выступает «воля законодателя», а точнее — буква закона. Расхождение позиций, конечно, в науках уголовного права, в цивилистике или среди конституционалистов имеет место. Но подавляющее большинство из них касается не принципиальных вопросов правопонимания, возможности судебного

вые философско-правовые чтения памяти В. С. Нерсесянца (либертарно-юридический проект) // Ежегодник либертарно-юридической теории. Вып. 1. 2007. С. 77). Об этом же пишет В. А. Четвернин, по мнению которого полному пересмотру подлежит старая легистско-потестарная догматика, начиная с вопроса о том, что такое норма права, и кончая юридической ответственностью. Необходимо «заново создавать юридическую догматику вместо той, которой уже — 150 лет, которая в какой-то мере отражает российскую реальность, поскольку эта реальность имеет мало отношения к праву, но которая в Европе по существу устарела еще 100 лет назад» (*Четвернин В. А.* Вторые философско-правовые чтения памяти В. С. Нерсесянца (либертарно-юридический проект) // Ежегодник либертарно-юридической теории. Вып. 2. 2008. С. 6). В другом месте он высказывается вместе с А. В. Яковлевым еще резче: «...при формалистическом “подходе”... происходит подмена понятия. В якобы юридическом сообществе о том, чего нет, принято рассуждать так, как будто оно есть, ибо это выгодно группам, захватившим власть и ощущающим правовую ущербность своего положения. А те, кто идеологически обслуживают интересы этих групп, продуцируют правовой нигилизм, определенную его разновидность, представление о праве как о фикции» (*Четвернин В. А., Яковлев А. В.* Институциональная теория и юридический либертаризм // Там же. С. 216). А. В. Кашанин и Ю. А. Тихомиров отмечают, что господствующее в отечественной теории права позитивистско-догматическое понятие права не может быть априорно принято из-за «излишнего формализма данной позиции, которая отрывает теорию права от реальных проблем правоприменения» (*Правоприменение: теория и практика / отв. ред. Ю. А. Тихомиров. М., 2008. С. 8*). А. В. Кашанин в соавторстве с С. В. Третьяковым утверждают: «Формальный подход игнорирует необходимое влияние ряда факторов, влияющих на принятие правовых решений, что определяет их частую неадекватность, выражающуюся в том числе в принятии “мертворожденных” либо неприемлемых с общественной точки зрения нормативных актов, а также решений по конкретным делам, возмущающих общественные представления о справедливости» (Там же. С. 69).

²¹ Применительно к науке уголовного права об этом, в частности, пишет А. Э. Жалинский: «**Консервация уголовно-правовой науки** приводит к отставанию в логике социального развития, а быть может, осознанному или неосознанному сопротивлению происходящим переменам, вместо их понимания и научно-информационного сопровождения, что противоречит самой роли науки как социального института на службе общества. Во многом это обусловлено природой уголовно-правовой мысли, ее осторожностью и инерционностью. Но так или иначе теория уголовного права и ее носители, как мне кажется, во многих случаях просто не заметили или не пожелали заметить, что они оказались в иной эпохе, в иной экономико-социальной и политической ситуации. Возникновение новых проблем без какой-либо аргументации, а ее в науке уголовного права и не может не быть, объявляется “глубоким экономическим, социально-политическим и духовным кризисом”» (*Жалинский А. Э.* Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2009. С. 107–108).

усмотрения или полноты правоприменения кодифицированного акта либо даже статуса решений высших судебных инстанций как источника права, а затрагивает вопросы преимущественно специфики квалификации того или иного состава преступления, гражданско-правового договора или полномочий государственного служащего²². В любом случае основной аргумент, который кладут в обоснование своих «теорий» представители отраслевых дисциплин, сводится к законодательству — высшей догме, принимаемой в качестве аксиомы.

Конструктивистская парадигма призвана преодолеть догматичность и оторванность от практических нужд юридической науки. Таким образом, конструктивизм — это новое представление о правовой реальности, предполагающее сконструированность правовой системы и ее воспроизводство (инновационное и традиционное) действиями и ментальной активностью человека. Реализация такой программы предполагает переописание почти всех юридических категорий, наделение праксеологическим смыслом юридических догм и конструкций. При этом важно не просто постулировать это положение, но показать, как это работает, т. е. выявить механизм социального конструирования правовой реальности.

Представителей конструктивистской методологии нередко обвиняют в релятивизме. Одним из принципов постклассической картины мира и соответственно эпистемологии является *релятивизм* — относительность знания об объекте, включенном в субъект-субъектные интеракции и межкультурный контекст. Он провозглашает, что знание об объекте является всегда неполным, ограниченным, обусловленным господствующими ценностями, идеологией, общественной доксой, научными традициями и т. п., следовательно — относительным. Социальная эпистемология (Б. Барнс, Д. Блур, С. Фуллер и др.) начиная с 70-х годов XX в. обосновывает зависимость научного познания от субъект-субъектных отношений, от социокультурного контекста. Релятивизм преодолевает наивно-реалистическое представление о познании и мире: познание не является отражением природы («зеркалом природы», по Р. Рорти), так как мы никогда не сможем сравнить представление о реальности с самой реальностью (Т. Рокмор), ибо последняя дана нам только как представление.

²² Можно на пальцах одной руки пересчитать действительно серьезные научные исследования в отраслевых юридических дисциплинах, в которых затрагиваются фундаментальные проблемы соответствующей науки. К ним я бы отнес работы А. С. Александрова, В. А. Белова, К. И. Скловского, К. А. Арановского, А. Э. Жалинского. Особняком в этом ряду располагаются научные исследования таких отечественных криминологов, как Я. И. Гишинский и Д. А. Шестаков, в связи с особым статусом криминологии в уголовно-правовом цикле наук: криминология, на мой взгляд, должна быть (и в лучших примерах таковой и является) теоретическим основанием этих дисциплин (например, обосновывая основания уголовного запрета, разрабатывая проблемы уголовной политики и социального контроля за преступностью), что вытекает, в частности, из программы социологии уголовного права Л. И. Спиридонова. При этом следует заметить, что многие оригинальные размышления приведенных выше авторов относятся как к теории права, так и к философии права.

Все это относится и к юридическому знанию, которое — с точки зрения постклассической эпистемологии — обладает лишь относительной автономностью в среде социогуманитарного знания и обусловлено социокультурным контекстом (прежде всего, господствующими типами правовопонимания), господствующей картиной мира, мировоззрением. Юридическая наука — это «частная социальная теория», содержание которой определяется связью с социальной философией и другими общественными науками, обладающая лишь относительной автономией. Если знание о праве относительно (социально обусловлено), то тем самым с постклассической точки зрения обосновывается тезис Гегеля, что право — момент, сторона общества. В связи с вышесказанным можно сформулировать онтологический принцип релятивизма права: *право — это социальное явление, обусловленное взаимодействиями с другими социальными феноменами, вне и без которых право не существует, и с обществом как социальным целым* (при этом последнее — не более чем социальное представление, по терминологии С. Московичи, объединяющее людей на определенной территории). Отсюда напрашивается тезис, который может показаться эпатажным: в эмпирически фиксируемой реальности нет «чистых» правовых явлений, как нет и не может быть «чистой системы права» Г. Кельзена, кроме как в виде «идеально-типической» конструкции. Право, как и любой социальный институт, хотя и не имеет единственного и единого референта — оно многогранно, многоаспектно, — существует в социальном мире в виде взаимодействий людей, опосредованных социальными (интериоризируемыми в индивидуальные) представлениями. В этих интеракциях всегда сосуществуют психика (психические феномены), культура, язык, часто — экономика, политика и т. п. Выделить юридический момент, например, в договоре купли-продажи, перевозки или в голосовании на избирательном участке, в подаче жалобы и т. д. можно только аналитически. Таким образом, нет правовых явлений (законов, индивидуальных актов, правоотношений), которые одновременно не были бы психическими (как писал в свое время Л. И. Петражицкий), экономическими, политическими и т. д. — в широком смысле — социокультурными феноменами.

Эту релятивность права применительно к таким нейтральным, казалось бы, для права явлениям, как пол, раса, вероисповедание, политическая принадлежность и др., эмпирически доказали в 20–30-е годы XX в. «реалисты США» (К. Ллевеллин, О. Холмс, Д. Фрэнк и др.). Они показали, что даже пол, не говоря о расе или политических предпочтениях, средне-статистически влияет на выносимое судьей решение (если подсудимый либо мужчина, либо женщина, либо белый, либо афроамериканец).

Вышесказанное не означает, что релятивность права — это произвол и анархия²³. Как отмечалось выше, релятивность права — это зависимость

²³ Конвенциональность, например, знака необходимо отличать от его произвольности: конвенция — результат социального процесса, борьбы социальных групп за право номинации (см.: *Weldes J. Constructing National Interests // European Journal of International Relations. Vol. 2. 1996. N 3. P. 308.*)

и обусловленность права обществом. С точки зрения постклассической диалектической социологии права право, как и любой другой социальный институт, выполняет социальную функцию: обеспечивает нормальное функционирование социума (как минимум — самосохранение, как максимум — процветание). Право это делает с помощью нормирования наиболее значимых общественных отношений; экономика — производством и распределением материальных благ; политика — принятием политических решений и т.д. В этом как раз и состоит сущность права, минимум его универсальности. Минимум — потому, что содержательно это «голая абстракция», наполняемая конкретным содержанием в различные исторические эпохи и в разных культурах-цивилизациях. Именно конкретное содержание права и задается контекстом исторической эпохи и культуры-цивилизации.

Социальному конструктивизму близка методология *критического дискурс-анализа*, который направлен на выявление механизмов власти и гегемонии в социальных практиках с помощью анализа текстов и использования языка²⁴. Критический дискурс-анализ, по мнению Т. ван Дейка, — это научное направление, стремительно развивающееся в лингвистике и социальных науках после выхода в 1979 г. книги «Язык и контроль». «Схожие направления существуют и в других дисциплинах, например, в психологии, социологии и антропологии, которые традиционно ориентированы на изучение способов *воспроизводства* власти и злоупотребления властью в обществе. Дискурс-аналитики в области гуманитарных и социальных наук изучают, в частности, место и роль *дискурса* в этих процессах. Они выявили, что многие формы социального неравенства, основанного, например, на гендерных, классовых и расовых различиях, конструируются, закрепляются и легитимируются с помощью устных и письменных текстов и в особенности с помощью различных видов публичного дискурса, контролируемого символическими элитами — политиками, журналистами, учеными, писателями и чиновниками»²⁵. «За последние 30 лет, — пишет

²⁴ Р. Вудак выделяет следующие принципы критического дискурс-анализа: 1. Критический дискурс-анализ рассматривает лингвистический характер социальных и культурных процессов и структур. 2. Он исследует власть в дискурсе и власть над дискурсом. 3. Общество и культура диалектически связаны с дискурсом — они формируются дискурсом и в то же время конституируют дискурс. Каждый отдельный пример применения языка воспроизводит или трансформирует общество и культуру, включая отношения власти. 4. Использование языка может быть идеологическим. Чтобы определить это, необходимо проанализировать тексты и исследовать их интерпретацию, восприятие и социальное влияние. 5. Дискурсы носят исторический характер, их можно рассматривать только в контексте. 6. Связь между текстом и обществом не прямая, а опосредована социо-когнитивно. 7. Критический дискурс-анализ подразумевает систематическую методологию и связь между текстом и его социальными условиями, идеологиями и отношениями власти. Интерпретации всегда динамичны и открыты для новых контекстов и новой информации. 8. Дискурс — это форма социального поведения (*Woodak R. Disorders of Discourse. London, 1996. P. 17–20*).

²⁵ Ван Дейк Т. А. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М., 2013. С. 13.

лидер этого направления Т. ван Дейк, — представители критических дискурсивных исследований сформулировали множество различных исследовательских задач, но в целом все соглашаются с тем, что основной целью КДИ является изучение способов воспроизводства злоупотребления властью с помощью дискурса»²⁶. Справедливость с точки зрения критического дискурс-анализа — это, как минимум, экспликация стратегий гегемонии социальных групп, обладающих монополией на номинацию (а тем самым и классификацию, и юридическую квалификацию) социальных событий и процессов.

Критический дискурс-анализ как методологическая программа²⁷, представленная, например Н. Фэркло, предполагает, во-первых, анализ дискурсивной практики, т. е. связи текста (в нашем случае — текста права) и социальной практики. Предполагается выявление того, как именно социальная практика производит и интерпретирует текст. В этом, например, преуспели сторонники школы критических правовых исследований США, показав, кто фактически является законодателем. Во-вторых, это проведение интердискурсивного анализа исследуемого текста, его включенность в систему текстов, жанров и практик. В-третьих, критический дискурс-анализ направлен на измерение дискурсивного события — социальной практики. Основной интерес при этом уделяется отношению власти и идеологии²⁸.

Э. Лаклау и Ш. Муфф, развивающие постмарксистский вариант критического дискурс-анализа, в частности, идею А. Грамши о гегемонии для обоснования социальных трансформаций, утверждают, что социальное пространство (они имеют в виду экономику, но вместо нее это может быть любая другая подсистема общества) структурировано как политическое пространство, как гегемонистские практики²⁹. Таким образом, с позиций критического дискурс-анализа борьба социальных групп за гегемонию социальной номинации суть политика права. Конструирование нормы права — это всегда различие нормы и девиации. При этом граница между правильным и неправильным, добром и злом, «своим» и «чужим» не может быть определена *a priori* — она является предметом ожесточенной политической борьбы, продуктом исторически сложившейся «гегемонической артикуляции», как утверждает Э. Лаклау³⁰. Однако политика права в постклассическом (например, фукианском) смысле — это не только

²⁶ Там же. С. 13, 18, 47–50, 88–96, 111–120 и след.

²⁷ По мнению Т. ван Дейка, «не существует “одного” дискурс-анализа как некоего метода, так же как и не существует “одного” социального или когнитивного анализа. Как ДИ, так и КДИ располагают большим количеством разных методов изучения в зависимости от целей исследования, природы изучаемого объекта, интересов и квалификации исследователя и других параметров исследовательского контекста» (Там же. С. 19–20).

²⁸ Fairclough N. Critical Discourse Analysis. The Critical Study of Language. London, 1995.

²⁹ Laclau E., Mouffe C. Hegemony and Socialist Strategy. London, 1985. P. 76–77.

³⁰ Laclau E. The Death and Resurrection of the Theory of Ideology // Journal of Political Ideologies. Vol. 1. 1996. N 3. P. 205.

правовые инновации, исходящие от правящей элиты и референтных групп, но и практики населения по легитимации и воспроизведению правовой реальности.

Конструктивистская парадигма в юриспруденции — это иное по сравнению с классической теорией права *антрополого-практическое, инструментальное правопонимание*. Право, с точки зрения конструктивистской методологии — это не данность, а результат деятельности человека по формированию юридически значимых социальных представлений (образцов возможного, должного или запрещенного поведения), воспроизводимых практиками людей — субъектов права³¹. Такой подход призван преодолеть догматичность, оторванность от практических нужд как правоприменителя, так и обывателя, классической теории права. Так, С. Ю. Филиппова пишет: «Недостаточное соответствие содержания и методологии наук частного правового блока потребностям субъектов правореализационной, правоприменительной и правотворческой деятельности в настоящее время подтверждается множеством фактов, что ставит вопрос о необходимости осмысления адекватности традиционной цели юридической науки практическим нуждам»³². Для преодоления такого положения дел автор формулирует инструментальную концепцию юриспруденции. «Важнейшая черта инструментализма, проявляющаяся в том числе в инструментализме как подходе в юриспруденции, — по мнению С. Ю. Филипповой, — заключается в непрерывном постоянном анализе деятельности субъекта по достижению цели. /.../ Человек, его потребности, цели, воля продолжают оставаться за рамками исследований, а право (по крайней мере в отраслевых научных работах) предстает как некая константа, объективная данность. /.../ Инструментальный подход, в соответствии с нашим пониманием, подразумевает исследование правовых явлений с позиции их целесообразности, функциональной пригодности для использования в процессе правовой деятельности людей для достижения ими собственных правовых целей. Единственным мерилom необходимости существования того или иного правового явления выступает его полезность для человека»³³.

Однако важно не просто зафиксировать новый — конструктивистский — подход к пониманию права, но и показать, как он функционирует³⁴.

³¹ Норма права или правовой институт существуют только тогда, когда реализуются действиями людей, утверждает в своей институциональной теории юридического либертаризма В. А. Четвернин (*Четвернин В. А. Исторический прогресс права и типы цивилизаций // Ежегодник либертарно-юридической теории. 2009. Вып. 2. С. 41–62*).

³² *Филиппова С. Ю. Инструментальный подход в науке частного права. М., 2013. С. 4.* — Очевидно, что это же характерно не только для науки частного права, но и для всей догматической юриспруденции.

³³ Там же. С. 28, 31–32.

³⁴ Собственно, механизм социального конструирования правовой системы выступает источником права в социолого-правовом смысле. Об источнике права в социолого-конструктивистском смысле см. подробнее: *Честнов И. Л. Диалого-антропологическая концепция источника права в контексте постклассического правопонимания // Разуваев Н. В., Черноков А. Э., Честнов И. Л. Источник права: классическая и постклассическая парадигмы: монография / под ред. И. Л. Честнова. СПб., 2011. С. 126–170*).

Механизм социального конструирования правовой реальности включает две стадии: формирование правовой инновации и ее легитимация. Внешение в общественное сознание чего-либо нового только тогда станет реально действующим правовым институтом, когда будет воспринято широкими слоями населения как эффективное, социально значимое. Об этом подробнее будет сказано ниже.

Субъектами социальных инноваций выступают правящая элита и референтная группа, обеспечивающая легитимацию правовой инновации. Именно носители юридической и символической власти (эти аспекты власти обуславливают друг друга) с помощью дискурсивных практик производят социальные значения, в том числе селектируя те или иные социальные явления в качестве социально значимых. Именно власть, используя свое монопольное право на номинацию³⁵, а тем самым объявляя существующими и значимыми те или иные социальные явления, определяет такие, казалось бы, «естественные» явления, как возраст (например, граница старости), болезнь, безработица, самоубийство, семья и др.³⁶ Именно власть формирует общественное мнение, которое, как заявил в 1972 г. П. Бурдьё, не существует как некая объективная данность (вне опросов общественного мнения), «как императив, получаемый исключительно путем сложения индивидуальных мнений» или «нечто вроде среднего арифметического или среднего мнения»³⁷. Более того, именно власть, действующая в современном обществе преимущественно как символическая власть, производит конструирование социальных классов³⁸.

³⁵ О власти коммуникации (дискурса) и коммуникации как власти см.: Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. М., 1996. С. 51–52, 111 и след. — О символическом (т. е. коммуникативном) господстве см.: Бурдьё П. О символической власти // Социология социального пространства. М.; СПб., 2005. С. 87–97; Castells M. The Power of Identity. Malden (Mass.), 1997.

³⁶ О социальном конструировании таких объектов см.: Ленуар Р., Мерлье Д., Пэнто Л., Шампань П. Начала практической социологии. М.; СПб., 2001. — «Возрастные категории... являются также хорошим примером ставок, на которых основана всякая классификация: в самом деле, ясно, что при манипулировании возрастными категориями речь идет о проблеме власти, связанной с различными моментами жизненного цикла, поскольку характер и основания власти различаются в зависимости от целей, свойственных каждому классу и каждой фракции класса в межпоколенческой борьбе. То же самое происходит с восприятием профессиональной деятельности как труда, о чем свидетельствует борьба относительно возраста выхода на пенсию или признания женской домашней работы или работы по уходу за детьми» (Там же. С. 91).

³⁷ Бурдьё П. Общественное мнение не существует // Социология политики. М., 1993. С. 163. — См. также: Шампань П. Делать мнение: новая политическая игра. М., 1997.

³⁸ Наиболее важным вопросом, по мнению П. Бурдьё, является «вопрос о политическом, об истинных действиях агентов, которые во имя теоретического определения «класса» предписывают его членам цели, официально наиболее соответствующие их «объективным» интересам, т. е. интересам теоретическим, а также вопрос о работе, посредством которой им удастся произвести если и не мобилизованный класс, то веру в его существование, лежащую в основе авторитета его официальных представителей (Бурдьё П. Социальное пространство и генезис «классов» // Социология политики. С. 62–63).

Суть конструирования символической властью социальной реальности замечательно сформулирована П. Бурдье в следующем пассаже: «Познание социального мира, точнее, категории, которые делают социальный мир возможным, суть главная задача политической борьбы, борьбы столь же теоретической, сколь и практической, за возможность сохранить или трансформировать социальный мир, сохраняя или трансформируя категории восприятия этого мира.

Способность осуществить в явном виде, опубликовать, сделать публичным, так сказать, объективированным, видимым, должным, т. е. официальным, то, что должно было иметь доступ к объективному или коллективному существованию, но оставалось в состоянии индивидуального или серийного опыта, затруднения, раздражения, ожидания, беспокойства, представляет собой чудовищную социальную власть — власть образовывать группы, формируя здравый смысл, явно выраженный консенсус для любой группы. Действительно, эта работа по выработке категорий — выявлению и классификации — ведется непрерывно, в каждый момент обыденного существования, из-за той борьбы, которая противопоставляет агентов, имеющих различные ощущения социального мира и позиции в этом мире, различную социальную идентичность, при помощи различного рода формул: хороших или плохих заявлений, благословений или проклятий, злословий или похвал, поздравлений, словословий, комплиментов или оскорблений, упреков, критики, обвинений, клеветы и т. п. Не случайно *kategoresthai*, от которого происходят категории и категоремы, означает «обвинить публично»³⁹.

Следует заметить, что с точки зрения социального конструктивизма конструктами являются также этносы, нации, традиции⁴⁰ и даже человеческая самость (*self*). Последний аспект особо значим для ситуации постмодерна — «расколотости» личности⁴¹. В XX в. на смену классическому представлению о Я приходит его постклассическая концепция, главными характеристиками которой выступают непрозрачность, утрата очевидности и целостности⁴². Я оказывается концепцией⁴³, нарративом, совокупностью всех жизненных сюжетов, в которых оказывается Я. Содержанием Я-конструкции выступает идентичность, связывающая прошлое,

³⁹ Там же. С. 66–67.

⁴⁰ Все коллективные социальные образования, с легкой руки Б. Андерсена названные «воображаемыми сообществами», являются социальными конструктами, «изобретенными традициями» (см.: Андерсен Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001; Hobsbawm E., Ranger T. (eds.). The Invention of Tradition. Cambridge, 1983).

⁴¹ О «расколотости я» (или «децентрированности субъекта»), т. е. потере четких идентичностей человека, см. подробнее: Butler J. Gender Trouble: Feminism and Subversion of Identity. New York, 1990; Benhabib S. Situating the Self: Gender, Community and the Postmodernism in Contemporary Ethics. New York, 1992.

⁴² См. подробнее: Труфанова Е. О. Я как конструкция // Конструктивистский подход... С. 290.

⁴³ Д. К. Деннет определяет Я в качестве абстракции, вводимой для удобства описания различных феноменов человеческого сознания (Там же. С. 298).

настоящее и предвосхищаемое будущее, приписываемая себе человеком. «Под идентичностью в контексте нарратива и дискурса, — пишет Е. О. Труфанова, — мы можем понимать способ, которым различные жизненные сюжеты конструируются в единую последовательную жизненную историю, автором которой является Я»⁴⁴. Правовой статус как единство прав и обязанностей и фактическая возможность их самостоятельной реализации, конструируемый властью, сегодня, в условиях демократического политического режима, предполагает возможность выбора правовой идентичности — соотнесения себя с определенным статусом⁴⁵. Тем самым правовая идентичность оказывается содержанием формирования правосубъектности — наделения и приобретения человеком правового статуса. Правовая идентичность — это двусторонний процесс, включающий деятельность власти и референтной группы по формированию господствующих правовых статусов, а также деятельность человека по принятию соответствующего статуса к себе лично.

При этом выбор идентичности ограничен как историческими и социокультурными рамками контекста, так и действиями власти по конструированию социальных субъектов — ранжированию определенных качеств людей по социально значимым (с точки зрения власти) типам. Важную роль в этом процессе играет используемая властью идеология, которая, как отмечает Л. Альтюссер, осуществляет узнавание и интерпелляцию (запрос, призыв) субъекта, а тем самым его рекрутирование. «Идеология “действует”, или “функционирует” так, что среди индивидов она “рекрутирует” субъектов (она рекрутирует их всех); или “трансформирует” индивидов в субъектов (она трансформирует их всех). Происходит это в той самой операции, которую я называю *интерпелляцией*, или окликиванием. Эта операция стоит за самыми обычными действиями, например, когда полицейский (или кто-нибудь другой) окликает тебя: “Эй, ты!”... Индивид, которого только что окликнули на улице, обернулся. В результате этого “психологического поворота на сто восемьдесят градусов” он превратился в субъекта. Почему? Потому что он распознал, что оклик был “действительно” адресован ему и что “окликнули *действительно его*” (а не кого-то другого)... И вы, и я всегда уже субъекты и как таковые постоянно исполняем ритуалы идеологического узнавания, гарантирующего, что мы действительно есть конкретные, индивидуализированные, различимые и (естественно) незаменимые субъекты»⁴⁶.

⁴⁴ Там же. С. 306.

⁴⁵ О правовой идентичности см.: *Исаева Н. В.* Правовая идентичность: проблемы теории и практики. Иваново, 2009; *Честнов И. Л.* 1) Социальное конструирование правовой идентичности в условиях глобализации // Диалог культур и партнерство цивилизаций: IX Международные Лихачевские научные чтения 14–15 мая 2009 г. СПб., 2009. С. 415–417; 2) Социальное конструирование правовой идентичности в условиях глобализации // Вестник РГГУ. № 14 (57)/10. Сер. Юридические науки. М., 2010. С. 15–21.

⁴⁶ *Althusser L.* Ideology and Ideological State Apparatuses (Notes towards an investigation) // Mapping Ideology. London, 1994. P. 130–131.

Тем самым можно заключить, что субъект права также является *конструктом*. Субъект — это человек, выступающий носителем социального статуса. В социуме человек не может не быть представителем социальной категории, производимой властью и легитимизируемой населением. Субъект социальных отношений в таком случае — это категоризация и классификация (по терминологии Э. Роуч и Дж. Лакоффа) социальных статусов (ролей) и воплощение человека в общественных отношениях (коммуникациях). В результате происходит идентификация себя с этими категориями (или социально значимым Другим) и воплощение вовне — представительство себя другим (Э. Гоффман).

Идентичность, в том числе и правовая, — это процесс, а не состояние. Как подчеркивает Р. Брубейкер, термин «идентичность» обладает «бесконечной эластичностью», что лишает его «способности к выполнению серьезной аналитической работы». Поэтому данную категорию, отягощенную «овеществляющими коннотациями», целесообразно заменить понятиями «идентификация» и «категоризация»⁴⁷. Именно государство идентифицирует и категоризирует людей в гендерном отношении, с точки зрения религии, рода деятельности, владения собственностью, этничности, грамотности, преступности, здоровья и психической нормальности⁴⁸. В результате человеку навязывается «самопонимание». «Этот диспозиционный термин означает, можно сказать, “ситуативную субъективность”»: понимание человеком самого себя, своего социального положения и того, как (учитывая два первых фактора) он готов действовать»⁴⁹.

Содержание идентичности образует механизм представительства. В социальном мире человек вынужден представлять себя другим через отождествление с господствующими в данном социуме социальными категориями — статусами. Субъект права также образуется в результате представительства — приобщения (через интериоризацию) к правовым статусам. Именно тут заложена внутренняя диалогичность (в отличие от диалога внешнего, проявляющегося во взаимоотношениях с другими) самости человека и его социального (правового) статуса, который он воплощает своей ментальной и поведенческой активностью. Поэтому субъект права — не абстрактная юридическая конструкция, выражающая права и обязанности, как полагают позитивисты, а «взаимоналожение» «человеческого субстрата» на правовой статус. Субъект права — это юридический статус, если он воплощается конкретным носителем статуса в юридически значимом поведении (шире — активности) или реализуется в форме бездействия (соблюдения, которое в большинстве случаев предполагает воздержание от поведения). Без изучения такого «взаимоналожения» невозможно понять мотивацию субъекта права (которой не может быть у абстрактного статуса по определению), почему в одних случаях люди реализуют нормы права, а в других нет. Институциональные рамки, несомненно, оказывают

⁴⁷ Брубейкер Р. Этничность без групп. С. 84, 89.

⁴⁸ Там же. С. 92.

⁴⁹ Там же. С. 95.

важное воздействие на субъектов правоприменения и реализации права обывателями⁵⁰. Но социальное действие права — это активность человека, который либо согласует ее с информацией, заключенной в норме права, либо нет. И это зависит от сугубо субъективных факторов: преследуемой цели, интереса, мотива, установки и т. п.⁵¹

Система права с конструктивистской точки зрения — это деятельность субъекта (человека как носителя правового статуса) по созданию и воспроизводству правовых норм, институтов. Система права — это некая абстрактная, догматичная данность, а процесс, включающий сочетание традиций и инноваций: ее (системы) воспроизведение и изменение. Центральным элементом системы права выступает не норма права, а человек, формирующий и воспроизводящий нормы права⁵². Таким образом, элементами (точнее — аспектами) системы права являются люди, выступающие субъектами права, их представления о социально значимом поведении, т. е. правовая культура, объективированная в нормы права, и массовое поведение (включающее как внешнюю, так и внутреннюю, психическую, активность) людей, воспроизводящее (как традиционно, так иногда и инновационно) нормы права⁵³.

Отсюда напрашивается вывод, что юриспруденция должна изучать *политику права* — условия, предпосылки, факторы, влияющие на правовые инновации. В связи с этим возникает принципиально важный вопрос: кто является законодателем? Можно ли таковым считать мифическую волю народа, от имени которой принимаются как нормативные правовые акты, так и индивидуальные? Данную проблему поднимает Г. А. Гаджиев⁵⁴. Наделяя конституционный суд нормотворческой компетенцией, известный ученый — судья пишет: «Правовая норма обычно рассматривается как функция, как производное от воли законодателей. При этом под последней понимается коллективная воля депутатов парламента определенного созыва. Полагаю, что такое понимание воли законодателя, от которой зависит бытие нормы, ошибочно. Роль юридической нормы в жизни обще-

⁵⁰ Именно институциональные рамки правоприменения стали объектом пристального исследования авторов следующих монографий: *Правоприменение: теория и практика* / отв. ред. Ю. А. Тихомиров. М., 2008; *Право и правоприменение в России: междисциплинарные исследования* / под ред. В. В. Волкова. М., 2011; *Как судьи принимают решения: эмпирические исследования права* / под ред. В. В. Волкова. М., 2012.

⁵¹ На это обращает внимание Г. В. Мальцев (см.: *Мальцев Г. В.* Социальные основания права. М., 2007).

⁵² Ср.: «На первый взгляд создается видимость, что в пространстве права самой важной онтологической единицей является категория закона. Но на самом деле первичной категорией в мире права является спор. /.../ Категории спора — согласия являются основными универсалиями онтологии права» (*Гаджиев Г. А.* Онтология права: (критическое исследование юридического концепта действительности): монография. М., 2013. С. 199, 200).

⁵³ См. подробнее: *Честнов И. Л.* Постклассическая теория права: монография. СПб., 2012. С. 380.

⁵⁴ *Гаджиев Г. А.* Онтология права: (критическое исследование юридического концепта действительности): монография. С. 224 и след.

ства настолько важна, что ее нельзя связывать с коллективной волей законодателей. Она является производной и от воли народа, понимаемой в сугубо юридическом смысле, и от воли государства. Воля государства проявляется прежде всего во всей системе юридических норм, представляющих логическую систему, построенную на определенных принципах. Посредством этой системы можно выявить цель принятия конкретного закона, а совокупность законов позволяет увидеть общее содержание всего законодательства. Воля государства выявляется не только посредством волеизъявления депутатов парламента, но и благодаря усилиям судей, которые часто выявляют смысл юридической нормы исходя из общих целей, которые преследовал законодатель, принимая закон. Иногда эти цели трудно установить, если руководствоваться только текстом отдельной нормы. /.../ Самое важное — это то, что воля государства как концептуальное юридическое понятие находится не в пространстве реальной действительности, в которой обитают биологические существа — люди: депутаты, специалисты и т. д. Такой подход — попытка обнаружить людской субстрат применительно к понятию “воля законодателя” как узкореалистический подход к праву в юридическом концептуальном пространстве преодолен. В конституционно-правовом концепте понятие “воля государства”, выраженная в законе, — это та воля, на которую ориентируется суд при интерпретации закона, она носит автономный сугубо юридический характер»⁵⁵.

Признавая право на существование такой точки зрения, мы считаем гораздо более обоснованным критикуемый Г. А. Гаджиевым подход, именуемый им как «критическая школа П. Бурдые», или «узкореалистический»⁵⁶. Догматический подход, основанный на юридических фикциях типа «воли народа»⁵⁷, как раз призван завуалировать реальную расстановку политических сил в стране, гегемонию социальной группы, монополизировавшей право официальной номинации, классификации и юридической квалификации социальных ситуаций как правомерных/противоправных⁵⁸. Именно

⁵⁵ Там же. С. 248–249.

⁵⁶ Там же. С. 260–263.

⁵⁷ Как отмечалось выше, «нет такой вещи, как общество». Это же относится к народу и другим «воображаемым сообществам». Все они суть практик конструирования сообществ через приписывание социальных идентичностей. Так, крупнейший этнолог Ф. Барт полагает, что этнические группы «воспроизводятся благодаря самому поддержанию границ, отделяющих их от других групп» (Барт Ф. Введение // Этнические группы и социальные границы / под ред. Ф. Барта. М., 2006. С. 9–48).

⁵⁸ «...слова, названия конструируют социальную реальность в той же степени, в какой они ее выражают, и являются исключительными ставками в политической борьбе за навязывание легитимного принципа видения и делания...». «Чтобы изменить мир, нужно изменить способы, по которым он формируется, т. е. видение мира и практические операции, посредством которых конструируются и воспроизводятся группы» (Бурдые П. Социальное пространство и символическая власть // Социология социального пространства. М.; СПб., 2005. С. 79, 84). «Право, безусловно, является наивысшей формой символической власти номинации, создающей именованные вещи и, в частности, группы» (Бурдые П. Власть права: основы социологии юридического поля // Социальное пространство: поля и практики. М.; СПб., 2005. С. 104).

критический, узкореалистический подход позволяет выявить парадокс представительства, на котором основаны многие юридические фикции (государство как коллективный субъект, должностное лицо, юридическое лицо и др.).

Парадокс представительства состоит в том, что доверенное лицо обретает власть над людьми, передавшими ему свои полномочия⁵⁹. Это связано с тем, что группа образует себя как раз с помощью делегирования, наделяя мандатом выступать от своего имени какого-либо индивида. В результате возникает отношение метонимии: доверенное лицо превращается в часть группы, которая может функционировать как знак вместо целой группы. «Обозначающее — это не только тот, кто выражает и представляет обозначаемую группу; это тот, благодаря кому группа узнает, что она существует, тот, кто обладает способностью, мобилизуя обозначаемую им группу, обеспечивать ей внешнее существование»⁶⁰. Именно дискурсивные практики представительства конституируют правовой субъект, на представительство которого они претендуют.

Принципиально важной проблемой конструктивистской парадигмы юриспруденции является определение *источника права*. В рамках данного направления источник права трактуется как механизм воспроизводства правовой реальности. Этот механизм созвучен программе П. Бурдьё, которая состоит в выявлении объективации «первичного произвола», являющегося краеугольным камнем любого социального (и правового) института. П. Бурдьё утверждал вслед за Б. Паскалем: в основе любого социального института лежит первоначальный произвол⁶¹, который с помощью механизма социальной амнезии по прошествии некоторого времени начинает выдаваться за «естественный ход вещей». Близкую программу формулирует Э. Лаклау, который полагает, что основу любого социального института составляет учреждающий его акт власти, который в условиях фундаментальной неразрешимости социального состоит в предпочтении одного правила организации практик всем существующим альтернативам («первичный произвол» — по отношению к действующей нормативной системе) и который с помощью механизма «забывания происхождения» (у П. Бурдьё — «амнезия происхождения») седиментируется, т. е. превращается в социальный институт, якобы сложившийся сам собой⁶². При этом принципиально важно определить, кто, когда и почему совершает «первичный произвол» и как он затем «амнезируется» (объективируется, часто реифицируется и воспринимается как некая естественная, объективная данность).

⁵⁹ Бурдьё П. Делегирование и политический фетишизм // Социология политики. М., 1993. С. 233.

⁶⁰ Там же. С. 239.

⁶¹ «Основа закона есть не что иное, как произвол» (Бурдьё П. За рационалистический историзм // Социология постмодернизма. М., 1996. С. 15).

⁶² Lacklau E. New Reflections on the Revolution of Our Time. London, 1990. P. 160.

Любое действие (экстернализация — по терминологии П. Бергера и Т. Лукмана) совершается, конечно, людьми. Однако нормативную (или противоправную, оцениваемую так через некоторое время с позиций господствующей социальной группы) инновацию в состоянии продуцировать не любой человек, а правящая элита и (иногда — или) референтная группа. Именно они формируют первичный образец поведения, который может стать нормой, а может и нет. Это зависит от множества внешних факторов, интериоризируемых в массовое общественное сознание. Другими словами, превращение первичной инновации в норму обеспечивает ее (инновации) легитимация — принятие широкими народными массами. В силу трудно поддающейся расчету полезности (по терминологии неонституциональной экономической теории) для представителей разных социальных групп населения правовой инновации ее легитимация обуславливается авторитетом правящей элиты и референтной группы. В то же время нельзя сбрасывать со счета «сопротивление структуры» (по терминологии Р. Харре и Б. Латура)⁶³.

Внесение изменений в существующий правовой порядок, условно говоря, включает две стадии. На *первой стадии* правящая элита (или референтная группа, если речь идет о формировании нового правового обычая) в соответствии с процессуальным законодательством разрабатывает и принимает новый нормативно-правовой (например) акт. Для этого должны быть некоторые причины как объективного, так и субъективного плана: должны произойти некоторые изменения в обществе, которые оцениваются элитой в качестве нежелательных, вызывающих как минимум чувство обеспокоенности. Это и побуждает предложить инновацию применительно к действующему правовому порядку.

Обнаружить единственную причину формирования инновативного образца правового института в принципе невозможно. В основе такой инновативной, креативной деятельности (представители социального конструктивизма называют ее экстернализацией) лежит сложная конфигурация общественных отношений, вызывающая неудовлетворенность как у элиты, так и у широкой общественности (чаще всего элита откликается на имплицитный, неартикулированный «запрос» или «заказ» народных масс), которая предшествует реформе. Вместе с тем индивидуальные артикуляции (термин предложили Э. Лакло и Ш. Муфф) и действия никогда не бывают точными копиями сложившегося образца; они, исходя из из-

⁶³ Harre R. Social Being. 2nd ed. Oxford, 1993; Latour B. When things strike back: a possible contribution of "science studies" to the social science // British Journal of Sociology. 2000. Vol. 51. N 1. — Об этом же, в принципе, пишет Я. И. Гилинский применительно к конструированию девиантности: «Общество "конструирует" свои элементы на основе некоторых онтологических, бытийных реалий. Так, реальностью является то, что некоторые виды человеческой жизнедеятельности причиняют определенный вред, наносят ущерб, а потому негативно воспринимаются и оцениваются другими людьми, обществом» (Гилинский Я. И. Конструирование девиантности: проблематизация проблемы (вместо предисловия) // Конструирование девиантности: монография / сост. Я. И. Гилинский. СПб., 2011. С. 10–11).

меняющегося контекста, постоянно видоизменяют его сперва в рамках допустимого «люфта», а затем могут трансформировать в новый институт. Эта потенциальная изменчивость любой устойчивой структуры (института) обусловлена тем, что всякий знак (следовательно, и всякий институт как совокупность знаков с семиотической точки зрения) не имеет однозначного объективного значения⁶⁴. Социальная практика, оперирующая знаками, переопределяет их значения как в рамках структуры, так и выходя за ее границы и создавая тем самым новую структуру. Таким образом формируется представление об объективности социальной структуры (института), ее естественности. Однако так понимаемая объективность — это исторический результат политических процессов и борьбы за гегемонию навязывания своего символического видения мира. Объективность, как утверждает Э. Лакло, — это маскировка изменчивости, сокрытие альтернативных возможностей иных значений⁶⁵.

В результате инновационной деятельности принимается новый нормативно-правовой акт или складывается обычай (сначала среди узкой группы его адептов). Однако принятие закона, как и формирование «локального» обычая, еще не гарантирует его превращение в действующее право, его вхождение в реальный правопорядок. Для этого требуется легитимация этого нововведения широкими народными массами — содержание *второй стадии*. Именно за народом остается окончательное слово в вопросе о том, будет ли отобрана историей соответствующая правовая инновация.

Примеры применения обрисованной выше программы приводятся в исторической и в историко-правовой науке. Среди них можно назвать анализ образования современного централизованного государства из «специфических интересов юристов... которые создают разного рода легитимирующие теории, согласно которым король представляет общественные интересы и имеет право на полную безопасность и справедливость, ограничивает компетенцию феодальной юрисдикции»⁶⁶. Интересный и поучительный пример «социальной амнезии», создающей видимость объективности, естественности политико-правового института (английской конституции, сыгравшей роль политического образца в развитии конститу-

⁶⁴ Каждая конкретная фиксация значения знака условна, поэтому дискурс никогда не бывает зафиксированным настолько, чтобы не изменяться из-за разнообразия значений из области дискурсивности (*Laclau E., Mouffe C. Hegemony and Socialist Strategy. Towards a Radical Democratic Politics*. London, 1985. P. 110).

⁶⁵ *Laclau E. New Reflections on the Revolution of Our Time*. London, 1990. P. 89.

⁶⁶ *Бурдьё П. Дух государства: генезис и структура бюрократического поля* // Политика и политика: сб. статей. Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской академии наук. СПб., 1999. С. 146. — В другом месте он пишет: «[Необходимо] понять, каким образом — в силу и по причине их специфического капитала и их частных интересов — обладатели юридической компетенции были подведены к тому, чтобы порождать дискурс государства, который при всем том, что служил оправданием их позиции, представлял государство — *fictio juris*, которое мало-помалу перестало быть простой выдумкой юристов и превратилось в самостоятельный порядок, способный принудить к повсеместному подчинению его задачам и его функционированию и заставляющий признать его устои» (Там же. С. 160).

ционных учреждений), приводит Н. Н. Алексеев: «Сама по себе конституция эта была чистым продуктом иррационального исторического творчества. Она была постройкой, которая производилась не по выработанному плану, но которая исторически слагалась и росла, как строятся старые города. И как старые города с их запутанными и узкими улицами, и старыми домами, английская конституция обладала истинным историческим стилем, но в то же время была неудобна, если угодно, непрактична. В ее элементах не было никакой логики, но она вся была основана на символах, фикциях, пережитках, привычках. Последующая конституционная теория потратила немало остроумия, чтобы рационально защитить существование двух палат, но английские две палаты — лорды и общины — создавались без всякой теории, как результат многовековых влияний, борьбы интересов, различных компромиссов, соглашений. Без всякой теоретической логики, без плана выросла и английская система парламентарного министерства. Мы уже не говорим о потомственной монархической власти, основы которой целиком построены на исторических традициях. И вот эти три чисто иррациональные исторические категории — король, палаты, ответственное министерство, были превращены западной политической мыслью в род нормальной, отвечающей требованиям логики и справедливости политической системы»⁶⁷. В свое время автору этих строк удалось показать, как в нашей стране возник институт административных правонарушений, принципиально отличающийся от того, что понималось под этим институтом в дореволюционной России и в западных государствах⁶⁸. Микроанализ образования института строгого и сурового тюремного заключения (*paine forte et dure*) в средневековом английском праве проведен М. К. Ивиной⁶⁹.

Конструктивистской парадигме в истории права близка программа истории понятий Р. Козеллека, с позиций которой основные политико-правовые категории — это конструкты, формируемые в контексте конкретно-исторических ситуаций во взаимосвязи с другими понятиями⁷⁰. Основные понятия современного словаря возникают в «переломное время» — между 1750 и 1850 гг., когда на смену сословному обществу приходит эпоха Нового времени⁷¹. Основные понятия — категории в то же время связаны с концептуальной схемой, теоретической конъюнктурой, с положением других

⁶⁷ Алексеев Н. Н. Современное положение науки о государстве и ее ближайшие задачи // Русский народ и государство. М., 1998. С. 458–459.

⁶⁸ Честнов И. Л. Институт административных правонарушений в системе права: автореф. дис. ... к. ю. н. СПб., 1994.

⁶⁹ Ивина М. К. Институт строгого и сурового тюремного заключения (*paine forte et dure*) в средневековом английском праве: автореф. дис. ... к. ю. н. СПб., 2012.

⁷⁰ Ср. с позицией Ж. Делеза по поводу философских концептов: «Концепты не ждут нас уже готовыми, наподобие небесных тел. У концептов не бывает небес. Их должно изобретать, изготавливать или, скорее, творить, и без подписи сотворившего они ничто» (Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? М., 1998. С. 14).

⁷¹ Koselleck R. Einleitung // Geschichtliche Grundbegriffe. Historische Lexikon zur politisch-sozialen Sprachen Deutschland / Hrsg. von O. Brunner, W. Conze, R. Koselleck. Bd. 1. Stuttgart, 1972. S. XXIII.

понятий в концептуальной схеме. Поэтому их смысл проясняется как генетически — исходя из анализа ситуации конструирования, так и из их места в системе понятий⁷². В связи с этим приходится признать, что основные юридические понятия, известные со времен римского права или глоссаторов, приобретают определенное значение в контексте исторической эпохи, переформулируются (наполняются новым значением) в результате исторических трансформаций.

Еще ближе конструктивистской парадигме программа кембриджской школы истории идей. По мнению К. Скиннера — лидера этого направления в историографии история идей представляет собой изучение использования идей (понятий)⁷³. Именно использование понятий дискурсивной практикой наполняет их конкретным значением.

В завершение настоящей статьи рассмотрим применение конструктивистской методологии в криминологии⁷⁴. «*В реальной действительности, — пишет ведущий отечественный криминолог Я. И. Гилинский, — нет объекта, который был бы “преступностью” (или “преступлением”) по своим внутренним, имманентным свойствам, sui generis, per se.* Преступление и преступность — понятия *релятивные* (относительные), *конвенциональные* (“договорные”: как “договорятся” законодатели), они суть социальные *конструкты*, лишь отчасти отражающие отдельные социальные реалии: некоторые люди убивают других, некоторые завладевают вещами других, некоторые обманывают других и т. п. Но ведь *те же самые по содержанию* действия могут не признаваться преступлениями: убийство врага на войне, убийство по приговору (смертная казнь), завладение вещами другого по решению суда, обман государством своих граждан и т. п.»⁷⁵. В другой работе он пишет, что сегодня «завоевывает все большее признание отношение к различным видам девиантности как к социальным конструктам. Власть, политический режим, общественное мнение. СМИ конструируют “преступность”, “наркотизм”, “коррупцию”, “проституцию” и др. Все они лишены онтологической реальности. В реальной жизни, в природе нет ни одного из названных феноменов по своему содержанию, sui generis, per se»⁷⁶.

В криминологии сегодня достаточно широко обсуждается феномен «преступного закона»⁷⁷. Автор данного термина (в отечественной криминологии) Д. А. Шестаков пишет: «Преступный закон — закон, который со-

⁷² Ibid. S. XXII.

⁷³ Skinner Q. Meaning and Understanding in the history of ideas // History and Theory. Vol. 8. 1969. N 1. P. 49.

⁷⁴ Следует заметить, что именно в этой дисциплине (включая социологию преступности и девиантологию — весьма близкие научные направления к криминологии) конструктивистская парадигма получила наиболее полное развитие.

⁷⁵ Гилинский Я. И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. 2-е изд., перераб. и доп. СПб., 2009. С. 37.

⁷⁶ Гилинский Я. И. Социология девиантности: новеллы и перспективы // Гилинский Я. И. Девиантность, преступность и социальный контроль в «новом мире»: сб. статей. СПб., 2013. С. 10.

⁷⁷ Шестаков Д. А. Введение в криминологию закона. СПб., 2011.

держит положение (положения), попирающее уголовное право, а именно нарушающее установленный под страхом наказания международными уголовно-правовыми нормами либо внутренним национальным законодательством запрет или представляющее для человека и общества значительное зло, безотносительно к признанию такого деяния в качестве преступления законом»⁷⁸. В качестве видов преступных законов известный криминолог приводит следующие: 1) международную агрессию (подготовку, развязывание, ведение агрессивной войны); 2) разрушение суверенитета, территориальной неприкосновенности и целостности собственного государства; 3) противодействие социальной экономике; 4) противоправное лишение свободы, пытки, жестокое обращение с заключенными; 5) причинение вреда предполагаемым особо опасным для государства преступникам вплоть до их уничтожения — вне права на необходимую оборону и условий задержания преступника; 6) уничтожение в ситуации «вынужденного положения» людей, не причастных к созданию этой ситуации, посредством сбивания воздушного и потопления водного судов; 7) незаконную трансплантацию человеческих органов; 8) смертную казнь⁷⁹. Если признать справедливость данных рассуждений, то нельзя не признать сконструированность законодательства.

Признавая реальность вреда, причиняемого некоторыми видами человеческой жизнедеятельности, Я. И. Гилинский справедливо утверждает, что «общественная или государственная оценка этих проявлений девиантности, само отнесение определенных форм деятельности к *девиантным* — результат сознательной работы властных, идеологических институтов, формирующих общественное сознание»⁸⁰.

Современная мировая криминология, по мнению Я. И. Гилинского, находится в стадии постмодернизма. «Одной из разновидностей постмодернизма является конститутивная криминология. Ее суть заключается в том, что преступность и контроль над ней не могут быть отделены от всеобщего структурного и культурного контекста, в котором они продуцируются. Преступность — интегральная часть тотального продукта общества, часть культуры. Поэтому криминологический анализ преступности должен осуществляться в общей социальной картине, наравне с другими составляющими общества. Преступление — социально сконструированная категория»⁸¹.

Вышеизложенное, как представляется, наглядно свидетельствует о перспективности конструктивистской методологии права, которая вполне может превратиться в ближайшем будущем в парадигму юриспруденции.

⁷⁸ Там же. С. 20, 62.

⁷⁹ Там же. С. 2442.

⁸⁰ Гилинский Я. И. Конструирование девиантности: проблематизация проблемы (вместо предисловия) // Конструирование девиантности: монография / сост. Я. И. Гилинский. СПб., 2011. С. 11.

⁸¹ Гилинский Я. И. Современные тенденции мировой криминологии // Гилинский Я. И. Девиантность, преступность и социальный контроль в «новом мире»: сб. статей. С. 279.

Литература

- Алексеев Н. Н.* Современное положение науки о государстве и ее ближайшие задачи // Русский народ и государство. М.: Аграф, 1998. 640 с.
- Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: Канон-пресс-Ц, 2001. 288 с.
- Барт Ф.* Введение // Этнические группы и социальные границы / под ред. Ф. Барта. М.: Новое издательство, 2006. С. 9–48.
- Брубейкер Р.* Этничность без групп. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. 408 с.
- Бурдые П.* Делегирование и политический фетишизм // Социология политики. М.: Socio-logos, 1993. С. 231–262.
- Бурдые П.* Общественное мнение не существует // Социология политики. М.: Socio-logos, 1993. С. 159–178.
- Бурдые П.* Социальное пространство и генезис «классов» // Социология политики. М.: Socio-logos, 1993. С. 53–98.
- Бурдые П.* За рационалистический историзм // Социологос постмодернизма. М.: Институт экспериментальной социологии, 1996. С. 9–29.
- Бурдые П.* Дух государства: генезис и структура бюрократического поля // Поэтика и политика: сб. статей. Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской Академии наук. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1999. С. 126–176.
- Бурдые П.* Практический смысл. СПб.: Алетейя, 2001. 562 с.
- Бурдые П.* О символической власти // Социология социального пространства. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005. С. 87–97.
- Бурдые П.* Власть права: основы социологии юридического поля // Социальное пространство: поля и практики. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005. С. 75–128.
- Ван Дейк Т. А.* Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М.: Книжный дом «Либроком», 2013. 344 с.
- Гаджиев Г. А.* Онтология права: (критическое исследование юридического концепта действительности): монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. 320 с.
- Гилинский Я. И.* Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2009. 504 с.
- Гилинский Я. И.* Социология девиантности: новеллы и перспективы // Гилинский Я. И. Девиантность, преступность и социальный контроль в «новом мире»: сб. статей. СПб.: Изд. дом «Алеф-Пресс», 2013. С. 7–15.
- Гилинский Я. И.* Современные тенденции мировой криминологии // Гилинский Я. И. Девиантность, преступность и социальный контроль в «новом мире»: сб. статей. СПб.: Изд. дом «Алеф-Пресс», 2013. С. 273–288.
- Гилинский Я. И.* Конструирование девиантности: проблематизация проблемы (вместо предисловия) // Конструирование девиантности: монография / сост. Я. И. Гилинский. СПб.: ДЕАН, 2011. С. 4–17.
- Девятко И. Ф.* Социологические теории деятельности и практической рациональности. М.: Аванти плюс, 2003. 336 с.
- Делез Ж., Гваттари Ф.* Что такое философия? М.: Институт экспериментальной социологии. СПб.: Алетейя, 1998. 286 с.
- Дискуссия. Первые философско-правовые чтения памяти В. С. Нерсисянца (либертарно-юридический проект) // Ежегодник либертарно-юридической теории. Вып. 1. М.: ГУ-ВШЭ, 2007. С. 67–80.

Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М.: Канон, 1995. 325 с.

Жалинский А. Э. Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2009. 400 с.

Ивина М. К. Институт строгого и сурового тюремного заключения (*paine forte et dure*) в средневековом английском праве: автореф. дис. ... к. ю. н. СПб.: СПбГУЭФ, 2012. 23 с.

Исаева Н. В. Правовая идентичность: проблемы теории и практики. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2009. 159 с.

Как судьи принимают решения: эмпирические исследования права / под ред. В. В. Волкова. М.: Статут, 2012. 368 с.

Касавин И. Т. Философский дискурс: проблема, контекст, смысл // Человек в мире знания: К 80-летию Владислава Александровича Лекторского / отв. ред., - сост. Н. С. Автономова, Б. И. Пружинин; науч. ред. Т. Г. Щедрина. М.: РОССПЭН, 2012. С. 171–192.

Касториадис К. Воображаемое установление общества. М.: Гнозис; Логос, 2003. 480 с.

Ленуар Р., Мерлье Д., Пэнто Л., Шампань П. Начала практической социологии. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2001. 410 с.

Мальцев Г. В. Социальные основания права. М.: Норма, 2007. 800 с.

Михайлов А. М. Генезис континентальной юридической догматики. М.: Юрлитинформ, 2012. 496 с.

Михайлов А. М. Правовая идеология: проблемы теории // Проблемы методологии и философии права: сб. статей междунар. круглого стола / под ред. С. Н. Касаткина. Самара: Самарская гум. академия, 2014. С. 108–119.

Огурцов А. П. От конструктивистской этнографии науки — к новой версии натурализма // Огурцов А. П. Философия науки: двадцатый век: Концепции и проблемы: в 3 ч. Часть первая: философия науки: исследовательские программы. СПб.: Изд. дом «Мирь», 2011. С. 376–406.

Право и правоприменение в России: междисциплинарные исследования / под ред. В. В. Волкова. М.: Статут, 2011. 317 с.

Правоприменение: теория и практика / отв. ред. Ю. А. Тихомиров. М.: Формула права, 2008. 432 с.

Рокмор Т. Гегель о конструктивизме // Конструктивистский подход в эпистемологии и науках о человеке / отв. ред. акад. РАН В. А. Лекторский. М.: Канон+, 2009. С. 130–140.

Социальная эпистемология: идеи, методы, программы / под ред. И. Т. Касавина. М.: Канон+, 2010. 712 с.

Современная западная философия. Энциклопедический словарь / под ред. О. Хеффе, В. С. Малахова, В. П. Филатова при участии Т. А. Дмитриева. М.: Культурная революция, 2009. 392 с.

Труфанова Е. О. «Я» как конструкция // Конструктивистский подход в эпистемологии и науках о человеке / отв. ред. В. А. Лекторский. М.: Канон+, 2009. С. 288–307.

Урри Дж. Социология за пределами обществ: виды мобильности для XXI столетия. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. 336 с.

Филиппова С. Ю. Инструментальный подход в науке частного права. М.: Статут, 2013. 350 с.

Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. М.: Касталь, 1996. 448 с.

Четвернин В. А. Вторые философско-правовые чтения памяти В. С. Нерсесянца (либертарно-юридический проект) // Ежегодник либертарно-юридической теории. Вып. 2. М.: ГУ-ВШЭ, 2008. С. 5–40.

Четвернин В. А., Яковлев А. В. Институциональная теория и юридический либертаризм // Ежегодник либертарно-юридической теории. Вып. 2. М.: ГУ-ВШЭ, 2008. С. 215–238.

Честнов И. Л. Институт административных правонарушений в системе права: автореф. дис. ... к. ю. н. СПб.: СПбЮИ МВД РФ, 1994. 24 с.

Честнов И. Л. Социальное конструирование правовой идентичности в условиях глобализации // Диалог культур и партнерство цивилизаций: IX Международные Лихачевские научные чтения 14–15 мая 2009 г. СПб.: ГУП, 2009. С. 415–417.

Честнов И. Л. Социальное конструирование правовой идентичности в условиях глобализации // Вестник РГГУ. № 14 (57)/10. Сер. Юридические науки. М.: РГГУ, 2010. С. 15–21.

Честнов И. Л. Диалого-антропологическая концепция источника права в контексте постклассического правопонимания // Разуваев Н. В., Чернооков А. Э., Честнов И. Л. Источник права: классическая и постклассическая парадигмы: монография / под ред. И. Л. Честнова. СПб.: ИВЭСЭП, 2011. С. 126–170.

Честнов И. Л. Постклассическая теория права: монография. СПб.: Изд. дом «Алеф-Пресс», 2012. 650 с.

Шампань П. Делать мнение: новая политическая игра. М.: Socio-logos, 1997. 317 с.

Шестаков Д. А. Введение в криминологию закона. СПб.: Юридический центр Пресс, 2011. 75 с.

Benhabib S. Situating the Self: Gender, Community and the Postmodernism in Contemporary Ethics. N.Y.: Routledge, 1992. 266 p.

Butler J. Gender Trouble: Feminism and Subversion of Identity. N.Y.: Routledge, 1990. 221 p.

Castells M. The Power of Identity. Malden (Mass.): Blackwell Pub., 1997. 461 p.

Fairclough N. Critical Discourse Analysis. The Critical Study of Language. London: Longman, 1995. 265 p.

Harre R. Social Being. 2nd end. Oxford, 1993. 288 p.

Hobsbawm E., Ranger T. (eds.) The Invention of Tradition. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. 310 p.

Koselleck R. Einleitung / Geschichtliche Grundbegriffe. Historische Lexikon zur politisch-sozialen Sprachen Deutschland / Hrsg. von O. Brunner, W. Conze, R. Koselleck. Bd. 1. Stuttgart, 1972. S. I–XXXI.

Lacklau E. New Reflections on the Revolution of Our Time. London: Verso, 1990. 251 p.

Laclau E. The Death and Resurrection of the Theory of Ideology // Journal of Political Ideologies. Vol. 1. 1996. N 3. P. 201–220.

Laclau E., Mouffe C. Hegemony and Socialist Strategy. Towards a Radical Democratic Politics. London: Verso, 1985. 197 p.

Latour B. When things strike back: a possible contribution of “science studies” to the social science / British Journal of Sociology. Vol. 51. 2000. N 1. P. 107–123.

Putnam H. Realism with a Human Face/Realism with a Human Face / Conant J. (ed.). Cambridge (Mass.): Cambridge University Press., 1990. P. 3–29.

Skinner Q. Meaning and Understanding in the history of ideas // History and Theory. Vol. 8. 1969. N 1. P. 35–59.

Social representations / ed. by M. Farr, S. Moscovici. Cambridge; Paris, 1984. 412 p.

Weldes J. Constructing National Interests // European Journal of International Relations. Vol. 2. 1996. N 3. P. 275–318.

Woodak R. Disorders of Discourse. London: Longman, Sage, 1996. 200 p.

References

- Alekseev N. N. *Sovremennoe polozhenie nauki o gosudarstve i ee blizhaishie zadachi* [Contemporary Stand of the Science of State and its Nearest Goals]. *Russkii narod i gosudarstvo* [The Russian Nation and State]. Moscow, Agraf Publ., 1998. 640 p. (In Russian)
- Anderson B. *Voobrazhaemye soobshchestva. Razmyshleniia ob istokakh i rasprostraneni natsionalizma* [Imaginary Communities. Reflections on the Sources of Nationalism Spread]. Moscow, Kanon-press-Ts, 2001. 288 p. (In Russian)
- Bart F. *Vvedenie. Etnicheskie gruppy i sotsial'nye granitsy* [Ethnic Groups and Social Borders]. Ed. by F. Bart. Moscow, Novoe publ., 2006, pp. 9–48. (In Russian)
- Brubeiker R. *Etnichnost' bez grupp* [Ethnicity Without Groups]. Moscow, Publ. dom Vysshei shkoly ekonomiki, 2012. 408 p. (In Russian)
- Burd'e P. *Delegirovanie i politicheskii fetichizm* [Delegation and Political Fetishism]. *Sotsiologiya politiki* [Sociology of Politics]. Moscow, Socio-logos Publ., 1993, pp. 231–262. (In Russian)
- Burd'e P. *Obshchestvennoe mnenie ne sushchestvuet* [Public Opinion Does Not Exist]. *Sotsiologiya politiki* [Sociology of Politics]. Moscow, Socio-logos Publ., 1993, pp. 159–178. (In Russian)
- Burd'e P. *Sotsial'noe prostranstvo i genezis «klassov»* [The Social Space and Genesis of Classes]. *Sotsiologiya politiki* [Sociology of Politics]. Moscow, Socio-logos Publ., 1993, pp. 53–98. (In Russian)
- Burd'e P. *Za ratsionalisticheskii istorizm* [For Rational Historicism]. *Sotsiologos postmodernizma* [перевод]. Moscow, Institut eksperimental'noi sotsiologii Publ., 1996, pp. 9–29. (In Russian)
- Burd'e P. *Dukh gosudarstva: genezis i struktura biurokraticheskogo polia* [Spirit of State: Genesis and Structure of the Bureaucratic Field]. *Poetika i politika: sb. statei. Al'manakh Rossiisko-frantsuzskogo tsentra sotsiologii i filosofii Instituta sotsiologii Rossiiskoi Akademii nauk* [Poetics and Politics: Collected articles. Anthology of the Russian Academy of Sciences]. Moscow, Institut eksperimental'noi sotsiologii Publ.; St. Petersburg, Aleteiia Publ., 1999, pp. 126–176. (In Russian)
- Burd'e P. *Prakticheskii smysl* [Practical Reason]. St. Petersburg, Aleteiia Publ., 2001. 562 p. (In Russian)
- Burd'e P. *O simvolicheskoi vlasti* [On Symbolic Power]. *Sotsiologiya sotsial'nogo prostranstva* [перевод]. Moscow, Institut eksperimental'noi sotsiologii Publ.; St. Petersburg, Aleteiia Publ., 2005, pp. 87–97. (In Russian)
- Burd'e P. *Vlast' prava: osnovy sotsiologii iuridicheskogo polia* [The Force of Law: Towards the Basics of the Sociology of Juridical Field]. *Sotsial'noe prostranstvo: polia i praktiki* [Social Space: Fields and Practics]. Moscow, Institut eksperimental'noi sotsiologii Publ.; St. Petersburg, Aleteiia Publ., 2005, pp. 75–128. (In Russian)
- Van Deik T. A. *Diskurs i vlast': Reprezentatsiia dominirovaniia v iazyke i kommunikatsii* [Discourse and Power: Representation of Dominance in Language and Communication]. Moscow, Knizhnyi dom "Librokom", 2013. 344 p. (In Russian)
- Gadzhiev G. A. *Ontologiya prava: (kriticheskoe issledovanie iuridicheskogo kontsepta deistvitel'nosti): monografiia* [Ontology of Law: Critical Review of Legal Concept of Reality]. Moscow, Norma: INFRA-M Publ., 2013. 320 p. (In Russian)
- Gilinskii Ia. I. *Kriminologiya: teoriia, istoriia, empiricheskaiia baza, sotsial'nyi kontrol'* [Criminology: Theory, History, Empirical Basis, Social Control]. 2-e izd., pererab. i dop. St. Petersburg, Publ. R. Aslanova "Iuridicheskii tsentr Press", 2009. 504 p. (In Russian)
- Gilinskii Ia. I. *Sotsiologiya deviantnosti: novelly i perspektivy* [Sociology of Deviancy: Novelties and Perspectives]. *Gilinskii Ia. I. Deviantnost', prestupnost' i sotsial'nyi kontrol'*

v «*novom mire*»: sb. *statei [Deviancy, Criminality and Social Control in "New World": Collected Articles]*. St. Petersburg, Alef-Press, 2013, pp. 7–15. (In Russian)

Gilinskii Ia. I. *Sovremennye tendentsii mirovoi kriminologii [Modern Tendencies in World]*. *Gilinskii Ia. I. Deviantnost', prestupnost' i sotsial'nyi kontrol' v «novom mire»: sb. statei [Deviancy, Criminality and Social Control in "New World": Collected Articles]*. St. Petersburg, Alef-Press, 2013, pp. 273–288. (In Russian)

Gilinskii Ia. I. *Konstruirovaniye deviantnosti: problematizatsiia problemy (vmesto predisloviya) [Constructing Deviancy: Problem Setting]*. *Konstruirovaniye deviantnosti: monografiia [Constructing Deviancy]*. Compil. Ia. I. Gilinskii. St. Petersburg, DEAN Publ., 2011, pp. 4–17. (In Russian)

Deviatko I. F. *Sotsiologicheskie teorii deiatel'nosti i prakticheskoi ratsional'nosti [Sociological Theories of Activity and Practical Rationality]*. Moscow, Avanti plus Publ., 2003. 336 p. (In Russian)

Delez Zh., Gvattari F. *Chto takoe filosofiiia? [What Is Philosophy?]*. Moscow, Institut eksperimental'noi sotsiologii. St. Petersburg, Aleteiia Publ., 1998. 286 p. (In Russian)

Diskussiia. *Pervye filosofsko-pravovye chteniia pamiati V. S. Nersesiantsa (libertarno-iuridicheskii proekt) [Discussion. The first Philosophical-Juridical Readings in Memory of V. S. Nersesyants (Libertarian-Juridical Project)]*. *Ezhegodnik libertarno-iuridicheskoi teorii [Yearbook of the Libertarian-Juridical Theory]*. Vyp. 1. Moscow, GU-VShE Publ., 2007, pp. 67–80. (In Russian)

Diurkgeim E. *Sotsiologiiia. Ee predmet, metod, prednaznachenie [Sociology. Subject, Method, Destination]*. Moscow, Kanon Publ., 1995. 325 p.

Zhalinskii A. E. *Ugolovnoe pravo v ozhidanii peremen: teoretiko-instrumental'nyi analiz [Criminal Law in Anticipation of Change: Theoretical-Instrumental Analysis]*. 2-e izd., pererab. i dop. Moscow, Prospekt Publ., 2009. 400 p. (In Russian)

Ivina M. K. *Institut strogogo i surovogo tiuremnogo zakliucheniia (paine forte et dure) v srednevekovom angliiskom prave. Avtoref. kand. dis. [Strong and Severe Punishment Institute (paine forte et dure) In Medieval English Law. Thesis of PhD diss.]*. St. Petersburg, SPbGUEF Publ., 2012. 23 p. (In Russian)

Isaeva N. V. *Pravovaia identichnost': problemy teorii i praktiki [Legal Identity: Problems of Theory and Practice]*. Ivanovo, Ivan. gos. un-t Publ., 2009. 159 p. (In Russian)

Kak sud'i prinimaiut resheniia: empiricheskie issledovaniia prava [How Do the Judges Make Decisions: Empirical Researches of Law]. Ed. by V. V. Volkov. Moscow, Statut Publ., 2012. 368 p. (In Russian)

Kasavin I. T. *Filosofskii diskurs: problema, kontekst, smysl [Philosophical Discourse: Problem, Context, Sense]*. *Chelovek v mire znaniia: K 80-letiiu Vladislava Aleksandrovicha Lektorskogo [Human in the World of Knowledge: On Occasion of 80 Years to Vladislav Alexandrovich Lektorskii]*. Ed. by N. S. Avtonomova, B. I. Pruzhinin; nauch. red. T. G. Shchedrina. Moscow, ROSSPEN Publ., 2012, pp. 171–192. (In Russian)

Kastoriadis K. *Voobrazhaemoe ustanovlenie obshchestva [Imaginary Society Determination]*. Moscow, Gnozis Publ., Logos Publ., 2003. 480 p. (In Russian)

Lenuar R., Merl'e D., Pento L., Shamp'an' P. *Nachala prakticheskoi sotsiologii [Basics of Practical Sociology]*. Moscow, Institut eksperimental'noi sotsiologii Publ.; St. Petersburg, Aleteiia Publ., 2001. 410 p. (In Russian)

Mal'tsev G. V. *Sotsial'nye osnovaniia prava [Social Bases of Law]*. Moscow, Norma Publ., 2007. 800 p. (In Russian)

Mikhailov A. M. *Genezis kontinental'noi iuridicheskoi dogmatiki [Genesis of the Continental Legal Dogmatic]*. Moscow, Iurlitinform Publ., 2012. 496 p. (In Russian)

Mikhailov A. M. *Pravovaia ideologiiia: problemy teorii [Legal Ideology: Problems of Theory]*. *Problemy metodologii i filosofii prava: sb. statei mezhdunarodnogo kruglogo stola [Problems of Methodology and Philosophy of Law: Collected Articles of International*

Round Table]. Ed. by S. N. Kasatkin. Samara, Samarskaia gum. akademiia Publ., 2014, pp. 108–119. (In Russian)

Ogurtsov A. P. Ot konstruktivistskoi etnografii nauki — k novoi versii naturalizma [From Constructivist Ethnography of Science to New Version of Naturalism]. *Ogurtsov A. P. Filosofii nauki: dvadtsatyi vek: Kontseptsii i problemy: v 3 ch. Chast' pervaya: filosofii nauki: issledovatel'skie programmy [Philosophy of Science: Twentieth Century: Theories and Problems: Part I: Philosophy of Science: Research Programs]*. St. Petersburg, Mir Publ., 2011, pp. 376–406. (In Russian)

Pravo i pravoprimerenie v Rossii: mezhdistsiplinarnye issledovaniia [Law and Law Enforcement in Russia]. Ed. by V. V. Volkov. Moscow, Statut Publ., 2011. 317 p. (In Russian)

Pravoprimerenie: teoriia i praktika [Law Enforcement: Theory and Practice]. Ed. by Iu. A. Tikhomirov. Moscow, Formula prava Publ., 2008. 432 p. (In Russian)

Rokmor T. Gegel' o konstruktivizme [Hegel on Constructivism]. *Konstruktivistskii podkhod v epistemologii i naukakh o cheloveke [Constructivist Approach in Epistemology and Human Sciences]*. Otv. red. akad. RAN V. A. Lektorskii. Moscow, Kanon+ Publ., 2009, pp. 130–140. (In Russian)

Sotsial'naia epistemologiya: idei, metody, programmy [Social Epistemology: Ideas, Methods, Programs]. Ed. by I. T. Kasavin. Moscow, Kanon+ Publ., 2010. 712 p. (In Russian)

Sovremennaiia zapadnaia filosofii. Entsiklopedicheskii slovar' [Contemporary Western Philosophy. Encyclopedic Dictionary]. Ed. by O. Kheffe, V. S. Malakhova, V. P. Filatova pri uchastii T. A. Dmitrieva. Moscow, Kul'turnaia revoliutsiia Publ., 2009. 392 p. (In Russian)

Trufanova E. O. «Ia» kak konstrukttsiia [“I” As a Construction]. *Konstruktivistskii podkhod v epistemologii i naukakh o cheloveke [Constructivist Approach in Epistemology and Human Sciences]*. Ed. by V. A. Lektorskii. Moscow, Kanon+ Publ., 2009, pp. 288–307. (In Russian)

Urri Dzh. *Sotsiologiya za predelami obshchestv: vidy mobil'nosti dlia XXI stoletii [Sociology Beyond Societies: Mobility Types For XXI Century]*. Moscow, Publ. Vyshei shkoly ekonomiki, 2012. 336 p. (In Russian)

Filippova S. Iu. *Instrumental'nyi podkhod v nauke chastnogo prava [Instrumental Approach in Private Law Science]*. Moscow, Statut Publ., 2013. 350 p. (In Russian)

Fuko M. *Volia k istine: po tu storonu znaniia, vlasti i seksual'nosti [Will for Truth: On the Reverse Side of Knowledge, Power and Sexuality]*. Moscow, Kastal' Publ., 1996. 448 p. (In Russian)

Chetvernin V. A. Vtorye filosofsko-pravovye chteniia pamiati V. S. Nersesiansa (libertarno-iuridicheskii proekt) [The second Philosophical-Juridical Readings in Memory of V. S. Nersesians (Libertarian-Juridical Project)]. *Ezhegodnik libertarno-iuridicheskoi teorii [Yearbook of Libertarian-Juridical Theory]*. Issue 2. Moscow, GU-VShE Publ., 2008, pp. 5–40. (In Russian)

Chetvernin V. A., Iakovlev A. V. *Institutsional'naia teoriia i iuridicheskii libertarizm [Institutional Theory and Juridical Libertarianism]*. *Ezhegodnik libertarno-iuridicheskoi teorii [Yearbook of Libertarian-Juridical Theory]*. Issue 2. Moscow, GU-VShE Publ., 2008, pp. 215–238. (In Russian)

Chestnov I. L. *Institut administrativnykh pravonarushenii v sisteme prava. Avtoref. kand. dis. [Institute of Administrative Offences in the System of Law. Thesis of PhD diss.]* St. Petersburg, SPblul MVD RF Publ., 1994. 24 p. (In Russian)

Chestnov I. L. *Sotsial'noe konstruirovaniie pravovoi identichnosti v usloviakh globalizatsii [Social Constructing of Legal Identity in Globalisation]*. *Dialog kul'tur i partnerstvo tsivilizatsii: IX Mezhdunarodnye Likhachevskie nauchnye chteniia 14–15 maia 2009 g. [Dialogue of Cultures and Partnership of Civilizations: IX International Likhachev Scientific Readings May 14–15 2009.]*. St. Petersburg, GUP Publ., 2009, pp. 415–417. (In Russian)

Chestnov I. L. Sotsial'noe konstruirovaniye pravovoi identichnosti v usloviakh globalizatsii [Social Constructing of Legal Identity by Globalisation]. *Vestnik RGGU*, no. 14 (57)/10. Ser. Iuridicheskie nauki. Moscow, RGGU Publ., 2010, pp. 15–21. (In Russian)

Chestnov I. L. Dialogo-antropologicheskaya kontseptsiya istochnika prava v kontekste postklassicheskogo pravoponimaniya [Dialogical — Anthropological Theory of Source of Law in the Context of Postclassical Law Understanding]. *Razuvaev N. V., Chernookov A. E., Chestnov I. L. Istochnik prava: klassicheskaya i postklassicheskaya paradigmy: monografiya [Source of Law: Classical and Postclassical Paradigms]*. Ed. by I. L. Chestnov. St. Petersburg, IVESEP Publ., 2011, pp. 126–170. (In Russian)

Chestnov I. L. *Postklassicheskaya teoriya prava: monografiya [Postclassical Theory of Law]*. St. Petersburg, Alef-Press, 2012. 650 p. (In Russian)

Shampan' P. *Delat' mnenie: novaya politicheskaya igra [To Make an Opinion: New Political Game]*. Moscow, Socio-logos Publ., 1997. 317 p. (In Russian)

Shestakov D. A. *Vvedenie v kriminologiyu zakona [Introduction to Criminology of Law]*. St. Petersburg, Iuridicheskii tsentr Press, 2011. 75 p. (In Russian)

Benhabib S. *Situating the Self: Gender, Community and the Postmodernism in Contemporary Ethics*. N. Y., Routledge, 1992. 266 p.

Butler J. *Gender Trouble: Feminism and Subversion of Identity*. N. Y., Routledge, 1990. 221 p.

Castells M. *The Power of Identity*. Malden (Mass.), Blackwell Pub., 1997. 461 p.

Fairclough N. *Critical Discourse Analysis. The Critical Study of Language*. London, Longman, 1995. 265 p.

Harre R. *Social Being*. 2nd end. Oxford, 1993. 288 p.

Hobsbawm E., Ranger T. (eds.) *The Invention of Tradition*. Cambridge, Cambridge University Press, 1983. 310 p.

Koselleck R. *Einleitung / Geschichtliche Grundbegriffe. Historische Lexikon zur politisch-sozialen Sprachen Deutschland*. Hrsg. von O. Brunner, W. Conze, R. Koselleck. Bd. 1. Stuttgart, 1972, pp. I–XXXI.

Lacklauer E. *New Reflections on the Revolution of Our Time*. London, Verso, 1990. 251 p.

Laclau E. The Death and Resurrection of the Theory of Ideology. *Journal of Political Ideologies*, vol. 1, 1996, no. 3, pp. 201–220.

Laclau E., Mouffe C. *Gegemony and Socialist Strategy. Towards a Radical Democratic Politics*. London, Verso, 1985. 197 p.

Latour B. When things strike back: a possible contribution of “science studies” to the social science. *British Journal of Sociology*, vol. 51, 2000, no. 1, pp. 107–123.

Putnam H. *Realism with a Human Face/Realism with a Human Face*. Ed. by J. Conant. Cambridge (Mass.), Cambridge University Press., 1990, pp. 3–29.

Skinner Q. Meaning and Understanding in the history of ideas. *History and Theory*, vol. 8, 1969, no. 1, pp. 35–59.

Social representations. Eds. M. Farr, S. Moscovici. Cambridge, Paris, 1984. 412 p.

Weldes J. Constructing National Interests. *European Journal of International Relations*, vol. 2, 1996, no. 3, pp. 275–318.

Woodard R. *Disorders of Discourse*. London, Longman, Sage, 1996. 200 p.